

Тема Memento mori в творчестве В.Ф. Одоевского¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru

Сасим А.С.,

магистр кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета
«Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия)

В.Ф. Одоевский чутко ощущал бинарные оппозиции материального и трансцендентного миров, продолжил в своем творчестве философское осмысление тем Memento mori и Vanitas. В данной статье приведен анализ танатологического дискурса в первом русском философском романе «Русские ночи», включающем и фантастические рассказы, и размышления на вечные темы, и основанные на реальных событиях истории из русского быта.

Ключевые слова: танатологический дискурс, бинарные оппозиции, Memento mori, Vanitas, «Пляски смерти», грех, последний час.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Сасим А.С. Тема Memento mori в творчестве В.Ф. Одоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Sasim.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V., Sasim A.S. Theme Memento mori in the poetry of V.F. Odoyevskiy [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Sasim.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

«Танатологические представления в культурной среде любого общества являются важнейшими онтологическими установками, влияющими на психологию человека и мотивацию жизненного поведения. Доктринальные понятия об ином мире и судьбе души по смерти тела находят отражение в индивидуальном сознании и культуре повседневности» [2, с. 11]. В.Ф. Одоевский чутко чувствовал бинарные оппозиции материального и ноуменального миров: «Во все эпохи душа человека стремлением неодолимой силы, невольно, как магнит к северу, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливает сего стремления, ни житейские печали и радости, ни мятежная деятельность, ни смиренное созерцание; это стремление столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходит независимо от воли человека, подобно физическим отправлениям» [4, с. 7]. Зорко следя за открытиями в науке и новыми теориями, в своем творчестве он продолжил философскую тему Memento mori. Главное место среди сочинений Одоевского принадлежит «Русским Ночам» –

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

философской беседе между несколькими молодыми людьми, в которую вплетены, для иллюстрации высказываемых ими положений, рассказы и повести, отражающие авторскую позицию. Важное место в этих беседах отведено танатологическому дискурсу. Так, в рассказе «Бригадир» перед читателем предстают поочередно мысли героя, узнавшего о приближении последнего часа. Сначала ему просто не хочется расставаться с привычным образом жизни: *«Но что-то родные начинают чаще приезжать; они что-то шепчутся с доктором, — плохо! Ахти! говорят уж мне о причастии, о соборовании маслом. Ах! они все такие хорошие христиане, — но ведь это значит, что я уже при последнем конце. Так нет уже надежды? Должно оставить жизнь — все: и обеды, и карты, и мой шитый мундир, и четверку вороных, на которых я еще не успел поехать, — ах, как тяжело! Принесите мне показать новую ливрею; позовите детей; нельзя ли еще помочь? призовите еще докторов; дайте какого хотите лекарства; отдайте половину моего имени, все мое имение: поживу, наживу — только помогите, спасите!...»* [Там же, с.43] Вслед за страхом смерти к герою сразу же приходит трагическое осознание бессмысленности прожитой жизни и отчаянное желание получить возможность прожить ее по-новому: *«Но вдруг сцена переменилась: страшная судорога потрясла мои нервы, и как завеса упала с глаз моих. Все, что тревожит душу человека, одаренного сильною деятельностью: ненасытная жажда познаний, стремление действовать, потрясать сердца силою слова, оставить по себе резкую бразду в умах человеческих, — в возвышенном чувстве, как в жарких объятиях, обхватить и природу, и человека, — все это запылало в голове моей; предо мною раскрылась бездна любви и человеческого самосведения. Страдания целой жизни гения, неутолимые никаким наслаждением, врезались в мое сердце — и все это в ту минуту, когда был конец моей деятельности. Я метался, рвался, произносил отрывистые слова, которыми в один миг хотел высказать себе то, на что недостаточно человеческой жизни»* [Там же, с. 44]. Однако, похоже, что наш герой не подал в жизни и луковки, о которой упоминала в романе Ф.М. Достоевского Грушенька и оптимистично отзывался старец Зосима, привидевшись Алеше в «тонком сне» («Я луковку подал и вот я здесь [в раю — И.Д.]И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» [3, с.327]) : *«Тщетно искал я в своем существовании одной мысли, одного чувства, которыми б я мог прикрыться от гнева вседержителя! Пустыня отвечала мне, и в детях моих я видел продолжение моего ничтожества; ах! если бы я мог говорить, если бы я мог вразумить меня окружающих, если б мог поделиться собою с ними, дать ощутить им то чувство, которым догорала душа моя! Тщетно я простираю мои руки к людям, — хладные, загрубелые — они хотели познать дружеское пожатие; но человечество чуждалось немеющего трупа, и я видел лишь одного себя перед собою — себя, одинокого, безобразного! Я жаждал взора, который бы отрадою сочувствия пролился в мою душу, — и встретил лишь насмешливое презрение на лице твоём! Я понял его, я разделил его! и с страшною, неотвратимою, вечною горечью оставил земную оболочку!.. Теперь, если хочешь, не сожалей обо мне, не плачь обо мне, презирай меня!»*[4, с. 44]. В этом рассказе В.Ф. Одоевский за пятьдесят лет до появления повести «Смерть Ивана Ильича» затрагивает тему, которую впоследствии углубил Л.Н. Толстой – тему смерти как пробуждение души. Так, в романе «Война и мир» Андрей Болконский прозревает уже в трансцендентном состоянии: *«В то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся. „Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение!“ — вдруг просветлело в его душе»* [6, гл. XVI].

Рассказ «Бал» воспроизводит сюжетную коллизию «Плясок смерти», столь характерных для западноевропейской словесности [1, с. 93]. Автор проводит резкий контраст военных сводок о *«десяти тысячах убитых... тридцати тысяч вон из строя»* и описания бала, где все веселятся и поют, несмотря на полученные известия. Аллюзия на «Пляски смерти» возникает с первыми звуками музыки: *«Этот страшный оркестр темным облаком висел над танцующими, — при каждом ударе оркестра вырывались из облака: и громкая речь негодования; и прерывающийся лепет побежденного болью; и глухой говор отчаяния; и резкая скорбь жениха, разлученного с невестой; и раскаяние измены; и крик разъяренной, торжествующей черни; и*

насмешка неверия; и бесплодное рыдание гения; и таинственная печаль лицемера; в плач; и взрыд; и хохот... и все сливалось в неистовые созвучия, которые громко выговаривали проклятие природе и ропот на провидение; при каждом ударе оркестра выставлялись из него то посинелое лицо изможденной пыткой, то смеющиеся глаза сумасшедшего, то трясущиеся колена убийцы, то спекшиеся уста убитого; из темного облака капали на паркет кровавые [капли и] слезы, — по ним скользили атласные башмаки красавиц... и все по-прежнему вертелось, прыгало, бесновалось в сладост-растно-холодном безумии...»[4, с. 45] Затем картина меняется и перед нами наяву предстают герои «Totenhanz»: «[Свечи нагорели и меркнут в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда, волосы, тело... к пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями... а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... все пляшет и беснуется, как ни в чем не бывало]»[4, с. 46]. Герой рассказа ищет спасения в храме: «Я вошел; в церкви пусто, одна свеча горела пред иконою, и тихий голос священника раздавался под сводами: он произносил заветные слова любви, веры, надежды; он возвещал таинство искупления, он говорил о том, кто соединил в себе все страдания человека; он говорил о высоком созерцании божества, о мире душевном, о милосердии к ближнему, о братском соединении человечества, о забвении обид, о прощении врагам, о тщете замыслов богопротивных, о непрерывном совершенствовании души человека, о смирении пред судьбами всевышнего; [он молился об убиенных и убийцах,] он молился об оглашенных, о предстоящих!» [4, с. 46-47] Герой одержим донести слова священника до «беснующихся страдальцев» и воскресить их к жизни, но «но уже было поздно! все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов священника...» [4, 47].*

В.Ф. Одоевский и в публицистических заметках с горечью рассуждал о тщетно прожитых жизнях обывателей, которые предаются страстям, грешат, не думают о будущем. Писатель подробно анализировал бесцельно прожитый путь человека, который «в продолжение своего возвышающегося периода расстроил свое тело и душу, наполнил тело семенами болезней, душу растлил до вещества, сердца не облагородил терпимостью и любовью к людям – грехи его скопляются над ним, как грозная туча, вьвет его ум, терзается тело, скучает сердце – и он или быстрее погибает, или незаметно доходит до последней степени унижения».[4, с.208].

В небольшом наброске под названием «Смерть и жизнь» В.Ф. Одоевский описывает свои размышления о бренности всего земного, навеянные созерцанием «славной картины Гвидо» «[У Гвидо нет такого сюжета. Между тем произведение, о котором идет речь у Одоевского и которое приписывается им Гвидо, хорошо известно. Это гравюра, а вернее - одна из двух различающихся лишь незначительными деталями гравюр Хендрика Голциуса (1558-1617). Прим. М. И. Медового]» [5, с. 58-59]. Изображенные на картине «любовь, человеческий череп и розы» возбуждают у писателя мысли о «тщетности земного» (ср. западноевропейские образы – «Колесо фортуны»; «Пляски смерти»; «Встреча живых и мертвых»; «*Humana fragilitas*»; «*Vanitas*»), которые в западноевропейском искусстве, как правило, соседствуют при размышлении о смерти с двумя другими темами – «борьба сил Добра и Зла за душу человека («Смерть праведника и грешника», «*Ars Moriendi*») и идея неизбежности Страшного суда, где все будут равны перед смертью («Апокалипсис») [1, с. 93]. В Италии уже в первой половине XVI в. появился сюжет, со временем названный *Memento mori*, означающий размышления о бренности земного существования, преходящести времени. Так называемые *Vanitas* представляют собою композиции, рожденные из натюрмортов и представляющие хрупкость и маловременность земного существования человека, где его чаяния, надежды, иллюзии и удовольствия разбиваются о неодолимо надвигающуюся смерть [7, р. 73]. Типичными примерами рассуждений на тему *Vanitas* является, например, картина Луиджи Мирадори «Путто с черепом», написанная в середине XVII в. и находящаяся в наше время в общественном музее Кремоны. Заснувший на книге младенец опирается на череп с широко раздвинутой нижней челюстью. Книга, отсылающая нас к идее воскресения, и тюльпаны, символизирующие

бренность, напоминают зрителю о бренности и преходящести земной жизни. К этой аллюзии отсылают и другие детали картины: музыкальные инструменты, короны, дым. Начертанная рядом с лицом младенца надпись «*sic transit gloria mundi*» сочетается со сценами, изображенными на заднике картины [7, 74].

Так и у В.Ф. Одоевского, на фоне призрачных сумерек и «протяжного гула колокола», ставшего неотъемлемым *locis comite*, предвещающим начало таинственных событий, взгляд повествователя устремляется на картину: «*День уже клонился к вечеру; умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колокола, темнота разлилась по моей уединенной келье; глаза невольно устремились на картину Гвидову; сумрак претворял ее в различные, переменяющиеся призраки, которые то являлись, то исчезали*» [5, 58]. Время и пространство, как это часто бывает у писателя романтика Одоевского, преломляются: «*Протекло несколько мгновений, и мне показалось, что изображения рисунка от стены отделились и келья моя развилась в бесконечное пространство, светлое, беспредметное, бесцветное*» [Там же]. Перед повествователем появляется прелестный образ Кифарида: «*В сладком сне Кифарид покоился у меня в объятиях, русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбаются; огненные розы вились вокруг нас и неприметно – сливались с его огненными ланитами; небрежно рука сына Кипридина покоилась на лире, и от струн ее неслись в воздух неопределенные волшебные звуки*» [Там же]. Однако прелестное лицо преображается: «*лицо его – безобразный череп, – на обнаженных челюстях казалось еще не исчезла улыбка...*» [Там же]. Превращение прекрасного лица в череп гиперболизируется писателем: «*И, казалось мне, протекли бесчисленные мириады веков – и Кифарид ежемгновенно то являлся в образе хладного скелета, то расцветал с пламенными розами...*» [Там же].

Таким образом, размышления о смерти, пронизывающие творчество писателя, органично вписываются в межкультурный танатологический дискурс и отчасти проливают свет на непреходящий интерес к творчеству В.Ф. Одоевского, талантливого литератора и глубокого философа.

Литература

1. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М.: «Кругъ», 2011.
2. Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 3. С. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: «Наука», 1976. Т. 14.
4. Одоевский В.Ф. Русские ночи / Литературные памятники. М.: Л.: «Наука», 1975.
5. Северная лира на 1827 год. / Литературные памятники. М.: «Наука», 1984.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Ч. 1. М.: «Лексика», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000.

Theme Memento mori in the poetry of V.F. Odoevskiy

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) dergachevaiv@mgppu.ru

Sasim A.S.,

master, "Linguodidactics and Cross-cultural Communication" department, Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia)

V.F. Odoevsky sensitively sensed the binary oppositions of the material and transcendent worlds, continued in his work the philosophical comprehension of the themes of Memento mori and Vanitas. This article presents an analysis of thanatological discourse in the first Russian philosophical novel "Russian Nights", which includes fantastic stories, thoughts on eternal themes, and stories based on real events from Russian life.

Key Words: thanatological discourse, binary oppositions, Memento mori, Vanitas, Dance of Death, sin, last hour.

References

1. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty / Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M.: «Krug», 2011.
2. Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh [Elektronnyj resurs] // Yazyk i tekst. 2016. Tom 3. № 3. pp. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. L.: «Nauka», 1976. T. 14.
4. Odoevskij V.F. Russkie nochi / Literaturnye pamyatniki. M.:L.: «Nauka», 1975.
5. Severnaya lira na 1827 god. / literaturnye pamyatniki. M.: «Nauka», 1984.
6. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 4. CH. 1. M.: «Leksika», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000.